

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Петухова Александра Павловна

**Русское национальное движение и финляндский вопрос во второй
половине XIX – начале XX века**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2022

Работа выполнена на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель – Чернов Сергей Леонидович,
кандидат исторических наук, доцент

Официальные оппоненты – Бахтурина Александра Юрьевна,
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», исторический факультет, кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций, профессор
Васильев Дмитрий Валентинович,
доктор исторических наук, доцент, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Институт гуманитарных наук, кафедра отечественной истории, профессор
Соловьев Кирилл Андреевич,
доктор исторических наук, профессор РАН, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”», факультет гуманитарных наук, Школа исторических наук, профессор

Защита диссертации состоится «26» декабря 2022 года в 14 часов на заседании диссертационного совета МГУ.056.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, ауд. А-419.

E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/509280178/>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2022 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

О.В. Белоусова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность. К настоящему моменту продолжают оставаться дискуссионными вопросы о характере финляндского вопроса, причинах последовательной эскалации конфликта с финнами в конце XIX – начале XX в. Слабо прояснен вопрос об авторстве антифинляндской политики монархии. Эволюция русского национального движения (а порой – сам факт его наличия)¹ относится к малоизученным страницам российской истории, а его роль в развитии финляндского вопроса никогда не становилась предметом специального исследования. Механизмы выработки национальной политики в поздней Российской империи, ее язык и методы, вопросы взаимоотношений различных общественно-политических групп и власти в определении общей стратегии развития страны и принятии конкретных решений также требуют дальнейшего изучения. Систематический анализ ключевых общественно-политических категорий, которые были актуализированы в ходе публичных дискуссий по финляндскому вопросу, многое дает для понимания истории российской общественной мысли и процессов самоидентификации в эпоху развития национальных проектов.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является финляндский вопрос как феномен общественно-политической жизни Российской империи последней трети XIX – начала XX в., в том числе причины его зарождения и механизмы развития. Необходимо подчеркнуть, что в настоящей работе не ставится задача раскрыть юридические тонкости статуса Финляндии в составе империи или тем более обосновать правоту той или иной стороны конфликта. Но сделана попытка посмотреть на

¹ В данной работе не рассматриваются вопросы, существовало ли в России оформленное русское национальное движение, с какого периода имеет смысл говорить о нем как о структурно и содержательно сложившемся, насколько влиятельным оно было. Здесь анализируется скорее деятельность отдельных националистов в одном вполне конкретном аспекте – в попытке решить финляндский вопрос, используя при этом политические и медийные рычаги. Но частично информация, выявленная в ходе исследования, может пролить свет и на указанные общие вопросы развития русского национального движения и русского национализма.

финляндский вопрос как на явление в первую очередь российской действительности и именно в ней попытаться найти ключи к его пониманию. Предмет изучения – это конкретная деятельность представителей русского национального движения в контексте финляндского вопроса, антифинляндский дискурс, который был реализован в совокупности текстов, появившихся в коммуникативном пространстве империи в рассматриваемый период.

Хронологические рамки исследования укладываются в период второй половины XIX в. и доходят до 1917 г. Их выбор обусловлен спецификой темы. В рамках данного периода события развивались с разной степенью интенсивности. 1890–1900-е гг. – время обострения финляндского вопроса в национальной политике и общественной коммуникации Российской империи. Но вместе с тем нельзя обойти вниманием творчество М.Н. Каткова по финляндскому вопросу (примерно с 1863 г.), поскольку именно он начал активно формировать антифинляндский дискурс. Почти все 1880-е гг. русское правительство не обращалось к положению Финляндии, а до выхода в свет программной работы К.Ф. Ордина и русское общество также не придавало этой теме никакого значения. Вместе с тем именно в 1880-е гг. происходило складывание той группы экспертов в области финляндского вопроса, которая будет активно действовать в этой сфере вплоть до революции 1917 г.

Территориальные границы исследования связаны с его объектом и предметом и по преимуществу локализуются в Петербурге. Автор данной работы исходит из посылки, что все ключевые решения по политике русификации финляндской окраины принимались в Петербурге, там же организовывались антифинляндские кампании в прессе, поэтому основной акцент был сделан на выявление источников, корнями уходящих в столичные круги. Необходимым был также поиск информации, связанной с биографией основных персон исследования, их взаимоотношениями с финнами. Кроме того, было очень важно изучить попытки сторонников русификации создать «правильный» образ политики на окраине в европейском общественном

мнении, а также проследить позицию оппонентов антифинляндскому курсу, поэтому географию исследования пришлось расширить.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является выявление причин проведения политики русификации в отношении Великого княжества Финляндского (далее – ВКФ) во второй половине XIX – начале XX в. (в том числе поиск ее подлинных создателей, а также анализ финляндского вопроса как феномена в первую очередь политической коммуникации). В соответствии с указанной целью необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- разобрать существующие объяснения причин русификации и дать заключение об их достаточности или неполноте;
- выделить особенности развития финляндского вопроса с момента его зарождения и до выхода Финляндии из состава империи, в том числе проблемы идеологических принципов либо соображений практической пользы при принятии решений о жесткой политике монархии в отношении ВКФ;
- обосновать сущность финляндского вопроса как явления, зародившегося и бытовавшего прежде всего в сфере общественного сознания и общественно-политической коммуникации, и сопоставить присутствие данной темы в информационном поле поздней империи, а также связанные с ней реальные политические шаги;
- установить причины антифинляндского бума в проправительственной публицистике и дать объяснение четко выраженной публичности финляндского вопроса;
- реконструировать деятельность малоизвестных исторических лиц, имевших прямое отношение к развитию финляндского вопроса, и сделать вывод о наличии или отсутствии системного воздействия на этот вопрос со стороны определенной общественной группы;
- раскрыть основные каналы взаимодействия лиц, которые были непосредственно связаны с развитием финляндского вопроса;
- рассмотреть преломление финляндского вопроса в различных вариантах

общественно-политической коммуникации – научных и научно-популярных трудах, средствах массовой информации, отдельных пропагандистских брошюрах, внутриведомственных изданиях;

– проанализировать образно-идеологическую систему, отразившуюся в совокупности текстов по финляндскому вопросу, обосновать гипотезу о наличии в пространстве общественно-политической коммуникации империи антифинляндского дискурса и рассмотреть его в контексте ключевых общественно-политических дискуссий того времени, поставить вопрос о принципах мышления авторов такого дискурса;

– оценить формальную сторону антифинляндского дискурса, его основные лингвистические особенности, метафорический ряд, основные приемы авторов антифинляндских текстов, принципы работы с читательской аудиторией;

– предложить обоснование социального адресата «финляндского послания» в деле использования финляндского вопроса монархией в своих идеологических целях.

Методологическая основа исследования. При проведении анализа использовались следующие теоретические положения.

В соответствии с основными положениями французской школы анализа дискурса, за идеологическими системами признается способность определять самые разные стороны жизни общества и вектор его развития в целом. При этом отдельные элементы конкретной идеологии переходят от предшествующих исторических периодов, другие целиком являются порождением своей эпохи, и в обоих случаях идеологический дискурс сознательно конструируется авторами в своих целях. Дискурс понимается представителями этой школы не как отдельный текст, а как широкая совокупность текстов, существующих и рассматриваемых в неразрывном единстве². В случае с финляндским вопросом тысячи статей, брошюр и книг

² Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 113; Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 394–395; Пешё М., Фуке К.

определенной направленности, появившихся в общественно-политическом пространстве империи в конце XIX – начале XX в., важны именно как целостная совокупность. Такая интертекстуальность позволяет анализировать смысловую, жанровую и риторическую специфику текстов в единстве (как некий целостный антифинляндский дискурс) и трактовать подобную совокупность как социальное действие. С его помощью моделировались культурные ценности, нормы поведения, паттерны мышления, пропагандировался определенный социальный порядок – и конечно, конкретные политические шаги в отношении ВКФ. Тексты создавались в расчете на пропагандистский эффект, но при этом взятые в едином контексте, они немало могут рассказать о принципах мышления и мотивах своих создателей.

Согласно прагмалингвистике, являющейся логическим продолжением предыдущей школы, инструментом создания и распространения определенной идеологической системы является лингвистический аппарат. По этой теории, любой текст, порожденный и существующий в рамках определенной коммуникативной системы, заключает в себе непосредственную информацию о целях своего создателя и косвенную – о своем адресате. При этом общественно-политическая речь (безразлично, устная или письменная) воспринимается как языковое действие, которое влияет на людей и активно формирует действительность³. Поэтому было важно проанализировать формальные, лингвистические особенности антифинляндских текстов. Выявленные закономерности позволили сделать важные наблюдения об особенностях антифинляндского дискурса, о мотивах его создателей, о потенциале воздействия этих текстов на читателя.

В представлениях Х. Кона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона и ряда

Итоги и перспективы по поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла. М., 1999. С. 118; *Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. М., 1999. С. 45; *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004. С. 68, 153–154.

³ *Юдина Т.В.* Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи: дисс. докт. филол. наук. М., 2001. С. 30, 37; *Austin J.* How to Do Things with Words. Cambridge, 1962. P. 125.

других сторонников конструктивистского подхода в теории национализма он признается политическим проектом, с большим или меньшим успехом реализуемым в конкретных исторических обстоятельствах (в условиях модернизации, на определенной стадии развития капитализма)⁴. Сильной стороной конструктивистского подхода в изучении национализма является акцент на сфере сознания, анализе виртуальной составляющей практической политики, ментальных процессов.

Автор настоящей работы солидарен также со следующими методологическими наблюдениями: «История возможна и перспективна как наука, чьим предметом остаются возможности и пределы человеческого мышления, а эмпирическим объектом является совокупность созданных человеческим мышлением продуктов интеллектуальной деятельности». Именно в переходе от нарративизма к когнитивной парадигме заключены значительные возможности для историка и разрыв с тем традиционным способом историописания, который лишь с большими натяжками может быть назван научным⁵. В соответствии с этим принципом, автор настоящей работы видит свою основную задачу не в доказательстве ошибочности или оправданности взглядов и действий представителей правых политических сил Российской империи в процессе создания и решения финляндского вопроса, но в попытке собрать максимум информации об этих действиях, проанализировать их и поставить вопрос о том, что именно сделало такие взгляды и действия возможными и успешными. Когнитивная парадигма переносит акцент с описания фактов (по возможности полного и безоценочного) на поиск рабочих механизмов, активировавших в сознании изучаемых лиц те или иные модели восприятия действительности,

⁴ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 29–30; *Вердери К.* Куда идут «нации» и «национализм»? // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 300; *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 34–35; *Кон Х.* Идея национализма // *Ab imperio.* 2001. № 3. С. 420–421, 439; *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 334.

⁵ *Медушевский А.Н.* Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // *Российская история.* 2009. № 4. С. 8, 11, 20.

предопределившие их действия.

Согласно Р. Козеллеку, в общественно-политических понятиях заложены определенные представления, а их семантика не является раз и навсегда законченной. В ней могут происходить значительные сдвиги, в переломные периоды может идти активная борьба различных акторов по поводу содержания этих понятий и утверждения той или иной их трактовки. Необходимо задавать вопрос, откуда пришли основные категории, которыми мыслили эксперты, какую модификацию этих категорий они предпочли и в каком виде отправили их в общественно-политическое пространство дальше.

Степень изученности темы. Настоящая диссертация опирается на уже существующие разработки по тем вопросам, которые прямо или косвенно имеют отношение к выбранной проблематике.

О взаимоотношениях России и ВКФ написано значительное количество работ. Особенное внимание исследователей закономерно привлекало обострение этих отношений в эпоху двух последних российских императоров. Накоплен обширный материал, освещающий политические шаги российской власти в ВКФ, анализирующий законодательные акты и юридическую сторону конфликта, на который можно опираться в дальнейших исследованиях⁶. Но, во-первых, в фокусе внимания исследователей оказывалась преимущественно фактическая сторона темы: события, являвшие собой процесс взаимодействия окраины и центра в конце XIX – начале XX в., и рациональные факторы, которые могли лежать в его основе⁷. Финляндский вопрос как феномен прежде

⁶ См., например, фундаментальные работы: Суни Л.В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л., 1982; Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917 гг. Хельсинки, 2009 и др.

⁷ Значимым исключением являются работы М.А. Витухновской. Она впервые в отечественной историографии поставила вопрос о том, что финляндский вопрос – это не только совокупность взаимоотношений империи и окраины в различных областях внешней и внутренней политики, регулируемая рациональными соображениями (хотя и эту сторону вопроса на примере в том числе спора вокруг карельских территорий исследовательница анализировала), но и часть идеологического противостояния двух национальных проектов. См., например: Витухновская М. Карелы на границе конкурирующих национальных проектов: социо-экономические различия российской и финляндской Карелий как фактор национальной политики // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 113–148.

всего общественно-политической коммуникации практически не ставился в центр рассмотрения⁸. Во-вторых, историография этой проблемной области с самого начала (и в последующие десятилетия) развивалась под существенным влиянием тех, кто непосредственно участвовал в создании и развитии финляндского вопроса. Поэтому в диссертации был выбран не хронологический, а проблемный принцип историографического анализа.

В частности, поставлена проблема оценки исторических работ экспертов по финляндскому вопросу⁹, анализа в исторической литературе возможных причин политики русификации (военных, экономических, политических, идеологических), а также ее авторства. Последний аспект, в свою очередь, включает в себя и более частный вопрос роли прессы и печатных изданий в выработке политики русификации. Традиции изучения данного вопроса также были проанализированы. Специфика исследования ставит его в проблемное поле изучения империй, становления национальных государств и роли национализма в этом процессе. Поэтому неизбежно привлекались работы по этим темам.

В последние два десятилетия возросло внимание к идеологической стороне конфликта, рассмотрению его в контексте развития национальных проектов и проблем определения имперской стратегии. Вместе с тем современная историография пока не предложила исчерпывающего объяснения причин политики русификации в Финляндии¹⁰. Вопросы об «авторстве» финляндской политики, о соотношении ролей властей и общества в принятии

⁸ Пресса анализировалась в наибольшей степени как отражение взглядов представителей определенных политических течений, но не как действенный и осознанно используемый инструмент влияния. См., например: *Жабоедов-Господарец В.П.* Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати: 1905 – февраль 1917 гг.: дисс. канд. ист. наук. СПб., 2016.

⁹ Особенно это относится к работам М.М. Бородкина и К.Ф. Ордина. Лишь в относительно недавней статье И.Р. Такала и И.М. Соломещ обратили внимание на чрезвычайный субъективизм указанных авторов. См.: *Такала И.Р., Соломещ И.М.* «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 гг. // *Российская история.* 2009. № 3. С. 66–71.

¹⁰ См., например: *Дубровская Е.Ю.* Первая мировая война в Финляндии: империя против нации, российская армия против финляндцев // *Ab imperio.* 2001. № 4. С. 171.

соответствующих решений, о мотивированности действий властей интересами тех или иных социальных групп остаются пока открытыми, что делает обращение к этим вопросам оправданным.

Источниковая база исследования. Круг источников настоящей работы определен задачами исследования.

Это прежде всего делопроизводственная документация: отчеты, проекты реформ, протоколы обсуждения темы в Думе и Государственном совете, служебная переписка между отдельными чиновниками¹¹.

В связи со сформулированной в работе гипотезой о ключевой роли определенной группы частных лиц в развитии финляндского вопроса было необходимо найти материалы, связанные с их деятельностью. Их биографии, описание их взаимоотношений и тех каналов, которые они использовали для коммуникации как между собой, так и с влиятельными фигурами, – все это в основном источники личного происхождения: воспоминания и переписка. Полностью проанализированы все сохранившиеся материалы такого рода¹². Активно использовались также документы личного происхождения акторов, косвенно связанных или оставивших ценную информацию по развитию финляндского вопроса¹³.

¹¹ В работе использованы материалы следующих архивов: ГА РФ, РГВИА, РГИА, ОР РГБ, ОР РНБ, РГАЛИ. Например, материалы РГИА Ф. 1162 (Государственная канцелярия Государственного совета), Ф. 1276 (Совет министров); РГВИА Ф. 1 (Канцелярия военного министерства), Ф. 59 (Н.И. Бобриков), Ф. 400 (Главный штаб Военного министерства), Ф. 409 (Послужные списки военных), Ф. 970 (Военно-походная канцелярия его императорского величества), Ф. 2000 (Штаб Петроградского военного округа), Ф. 3611 (Послужные списки), Ф. 4000 (Лейб-гвардии конная артиллерия). А также ряд опубликованных материалов, например: Историческая записка о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения // Россия. Государственный совет. Временные организации. Дополнение. Материалы. Т. 79. СПб., 1910. Отдельно сплошь анализировались отчеты по отдельным значимым для исследования министерствам, например: Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1895 год. СПб., 1897.

¹² В первую очередь это работы К.Ф. Ордина, М.М. Бородкина, Н.Д. Сергеевского и их сторонников, в совокупности это несколько сотен работ. Полно исследовались работы М.Н. Каткова по финляндскому вопросу.

¹³ Например: *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000; *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания, 1903–1919. Париж, 1933; *Куропаткин А.Н.* Дневник // Красный архив. 1922. Т. 2; Из записок А.Ф. Редигера // Красный архив. 1930. Т. 5 (60) и др.

Немало информации содержится в работах противников антифинляндского курса и лиц, не связанных непосредственно с финляндским вопросом, но оставивших наблюдения по этому поводу, а также по смежным вопросам. Этим работ много (тема была популярна, а для противников политики русификации являлась предметом непосредственного внимания)¹⁴.

Важнейшими для данной работы стали массовые источники¹⁵. Системное изучение публикаций в прессе на финляндскую тематику конца 1880-х – 1910-х гг. позволяет выявить идентичный характер их происхождения, стилистики и содержания и позволяет говорить о складывании в информационном пространстве империи единого антифинляндского дискурса (у которого, как и у политики в крае, должен был быть свой автор).

В силу своего изначального присутствия в пространстве общественно-политической коммуникации финляндский вопрос включал в себя множество публикаций, ориентированных на массового читателя (материалы прессы, публицистика). Но существовал и круг изданий, созданных в целях влияния на властные элиты и не предназначавшихся для широкой публики. Это прежде всего обзоры периодической печати.

Наконец, потребовалось привлечь вспомогательные материалы по смежным вопросам – по истории общественной мысли того периода, каналам коммуникации между властью и различными общественными силами, функционированию прессы и др. В качестве вспомогательных привлекались законодательные источники¹⁶. Использовались документы общественных организаций и политических партий, материалы, связанные с деятельностью

¹⁴ Например: *Мехелин Л.* К вопросу о финляндской автономии и основных законах. Критика брошюры Н.Д. Сергеевского. Берлин, 1903.

¹⁵ В частности, материалы прессы. За отдельные годы анализировались подшивки таких изданий, как «Московские ведомости», «Гражданин», «Новое время» и др., причем путем именно сплошного, а не выборочного анализа. Также были произведены подсчеты выхода публикаций на определенные сюжеты в прессе на основании библиографических сборников. Например: *Корево Н.Н.* Финляндия в русской печати. Пг., 1915.

¹⁶ См., например: Высочайшие манифесты российских императоров о сохранении особых прав Финляндии // *Шиловский П.* Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903.

отдельных политиков¹⁷, а также судебно-следственные дела¹⁸.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней финляндский вопрос впервые рассматривается в первую очередь как идеологический феномен, существующий в поле общественно-политической коммуникации. Ранее поиск причин возникновения и развития финляндского вопроса в основном производился в области материальных факторов. В работе подробно рассматриваются эти факторы, выявляются несостыковки между их возможным воздействием и динамикой развития финляндского вопроса.

Автором предпринята попытка связать существование финляндского вопроса с деятельностью отдельных представителей зарождавшегося русского национального движения (в работе они фигурируют как эксперты). Впервые подробно раскрыты роль этой группы, ее влияние на развитие финляндского вопроса, механизмы деятельности ее членов, каналы их связи между собой и различными общественно-политическими контрагентами. Поставлен вопрос о специфике работы мышления указанных лиц. Их способ решения проблем ВКФ проанализирован в контексте системы их взглядов на политические, экономические, социальные и культурные проблемы России.

Антифинляндский дискурс проанализирован в работе с использованием лингвистических методов. Выдвинутая гипотеза о последовательной пропаганде экспертами своих взглядов на финляндский вопрос базируется на анализе как содержательной, так и формальной сторон антифинляндских текстов. Часть неопубликованных документов вводится в научный оборот впервые.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней конкретно-исторические задачи решаются с помощью использования методов смежных гуманитарных наук (лингвистики, философии), а также в том, что в

¹⁷ См., например: Речь П.А. Столыпина в Государственной думе (27 апреля) // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 93. 28 апреля (11 мая); Шестая годовщина РНС имени Михаила Архангела. Отчет за 1912–1913 гг. СПб., 1914.

¹⁸ См., например: Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л., 1926. Т. IV.

диссертации ставится вопрос о необходимости смены парадигмы при изучении национальной политики монархии (смещение акцентов с нарративного изложения на исследование процессов в области индивидуального, группового и массового сознания, изучение когнитивных механизмов принятия решений).

Практическая значимость. Научные результаты диссертации могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории русского национализма, истории русско-финских отношений, истории Российской империи, при подготовке соответствующих лекционных курсов и спецкурсов. В работе подробно исследуется вопрос о специфике исторических трудов экспертов и их политической ангажированности, что позволяет поставить под вопрос правомерность широкого использования этих трудов в современной историографии и ссылок на их авторов как на профессиональных историков.

Достоверность исследования обеспечивается широтой источниковой базы (в том числе обширным корпусом статей в прессе), подробным анализом публицистических работ (многие из которых были выявлены и введены в научный оборот впервые), активным привлечением неопубликованных материалов по всем аспектам складывания антифинляндской группировки.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и положения работы докладывались на 5 научных конференциях и изложены в 15 научных работах автора общим объемом 23,6 п.л., в том числе в 5 публикациях общим объемом 4,8 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, трех глав, которые

разделены на параграфы, посвященные конкретным проблемам в рамках каждой главы, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Финляндский вопрос как явление общественно-политической жизни Российской империи второй половины XIX – начала XX в. нельзя сводить к определенным конкретным шагам, принятым российской монархией в отношении ВКФ, но имеет смысл трактовать как феномен общественно-политической коммуникации, имевший в своей основе в первую очередь идеологические причины.

2. Подлинными авторами политики русификации Финляндии и – шире – финляндского вопроса как явления российской общественно-политической жизни следует считать определенную группу лиц, которая сформировалась в 1880–1890-е гг. и ставила перед собой цели, во-первых, добиться сокращения особых прав финнов, во-вторых, привить правительству и обществу «национальный образ мышления». Их можно считать частью молодого русского национального движения.

3. Антифинляндские кампании в русской консервативной печати (периодические издания и публицистика) проводились под руководством и влиянием указанных лиц, имели конкретные цели воздействия на политику властей и общественное мнение.

4. В рассматриваемый период в российском общественно-политическом пространстве тестировались приемы систематического воздействия на общественное мнение, происходил первый опыт знакомства консервативных и властных элит с принципами политической пропаганды.

5. Система мышления рассматриваемой группы националистически мыслящих интеллектуалов включала в себя несколько ключевых принципов и категорий, которые предопределили их видение русско-финляндских отношений (в том числе категорию «единство», принцип приоритета идеалистических соображений над рациональными).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении дается обоснование научной значимости и актуальности темы исследования, определяются объект и предмет работы, формулируются ее цель и задачи, раскрывается методология, указываются хронологические рамки, фиксируются территориальные границы, оценивается степень изученности рассматриваемых проблем, анализируется и систематизируется источниковая база, характеризуется научная новизна диссертации и обозначается практическая значимость, дается информация об апробации и приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе – «Финляндский вопрос как феномен общественно-политической коммуникации в России второй половины XIX – начала XX в.» – рассматриваются время и обстоятельства возникновения финляндского вопроса в информационном поле, приводятся и анализируются показатели антифинляндского бума в прессе 1890-х гг., сопоставляются между собой различные возможные причины актуализации финляндской тематики в тот период. Подчеркивается, что кроме короткого периода 1905–1906 гг., когда имперские власти были сосредоточены на внутренних проблемах, с начала 1890-х гг. и вплоть до Первой мировой войны систематически осуществлялась политика унификации и русификации ВКФ. Однако такая политика не принесла практически никаких положительных результатов: к 1914 г. Финляндия оставалась автономной экономической и политической единицей, не укладывавшейся в рамки общеимперской системы. Княжество жило по собственным законам, имело свою денежную систему и демократически избираемый государственный аппарат. При этом лояльность финского населения, остававшаяся константой на всем протяжении XIX в., была безнадежно утрачена. Проводившаяся политика не обеспечила империи большей военно-стратегической безопасности, экономического единения и процветания или политических дивидендов.

В первом параграфе – «Особенности политики монархии в Великом

княжестве Финляндском: иррациональность vs прагматизм» – разбираются причины, которые могли привести русское правительство к мысли о проведении политики русификации в ВКФ, оценивается принципиальная публичность всех правительственных мер в области финляндского вопроса. Обосновывается, что правительственные мероприятия имели мало общего с соображениями реальной политики. В гораздо большей степени они мотивировались стремлением соответствовать идеалам «русской империи», в которой формально зафиксированные абсолютные права монархии, единство и неделимость империи, преобладание русского населения на всем протяжении имперского пространства являлись сами по себе приоритетными ценностями, которые надлежало отстаивать. Подчеркивается, что важными особенностями правительственной политики в отношении ВКФ стали широкое привлечение общественности к обсуждению финляндских проблем, гласность в освещении негативных для финнов мероприятий, причем даже в том случае, если их не собирались реализовывать в ближайшее время.

Во втором параграфе – «Появление финляндского вопроса в русской публицистике: программные статьи Михаила Каткова в 1860–1870-е гг.» – изучается присутствие вопросов, связанных с положением ВКФ в составе империи, в творчестве Каткова. Его взгляды сопоставляются со взглядами видных правительственных чиновников и военных указанного времени. Выявляются подходы Каткова к проблемам ВКФ, систематизируются стилистические и риторические особенности его текстов на эту тему. Приводятся данные, свидетельствующие о том, что обсуждение в негативном ключе особых прав ВКФ началось в российском информационном пространстве в 1860-х гг. усилиями этого деятеля. Автономия финнов обратила на себя его внимание в связи с польским восстанием 1863 г. Именно публицистика Каткова 1860–1880-х гг. заложила основу для последующей борьбы с особыми финляндскими правами. Поэтому делается вывод, что именно тогда появился и сам финляндский вопрос как феномен общественно-политической жизни, как идейный конструкт, а вовсе не как совокупность

конкретных политических решений по отдельным вопросам русско-финских отношений. Причем он появился еще до того, как в этих отношениях возникли и были осознаны властью какие бы то ни было реальные проблемы. Однако реальных политических дивидендов сочинения Каткова по финляндскому вопросу поначалу не принесли. По требованию властей публицист полностью свернул обсуждение проблем национальных окраин на страницах своей газеты, что наглядно демонстрирует принципиальную нетождественность в тот период времени правительственной позиции и мнения Каткова. На этом этапе власть пока не принимала участия в создании и развитии финляндского вопроса как общественно-политического феномена и сохраняла за собой возможность выбора разных национальных и имперских стратегий.

В третьем параграфе – «Антифинляндский бум в российском информационном пространстве в конце 1880-х – 1890-е гг.» – рассматриваются время и обстоятельства возникновения финляндского вопроса в информационном поле, прослеживается динамика отражения данной темы в изданиях 1890-х гг., приводятся объяснения всплеска внимания к ней в данный период. Показывается, как подзабытая с 1860-х гг. тема о необходимости нивелирования финнов до положения рядовых подданных вновь начинает муссироваться в коммуникационном пространстве империи в конце 1880-х – начале 1890-х гг. Антифинляндские кампании шли волнообразно, достигали пика к 1890 г., в начале XX в. и в период премьерства П.А. Столыпина. Основными каналами коммуникации выступали периодические издания консервативного направления, в первую очередь «Московские ведомости». К этой газете позже присоединились «Новое время», «Свет», «Гражданин», «Наблюдатель», «Россия», «Окраины России», «Финляндская газета» и др. Государственной типографией издавались брошюры на финляндскую тематику, которые распространялись в официальных учреждениях. Выходили сочинения известных авторов, состоявших в комиссиях по финляндскому вопросу и связанных с выработкой политики в крае. Антифинляндский дискурс реализовывался в нескольких жанрах (исторические сочинения,

юридические трактаты, газетные публикации, пропагандистские брошюры, речи политиков).

Во второй главе – «Деятельность группы интеллектуалов-националистов вокруг финляндской проблемы и ее влияние на политику русификации Финляндии» – анализируется деятельность группы лиц, которые претендовали на роль экспертов в области финляндского вопроса, подробно рассматриваются формы и методы их сотрудничества с властью вплоть до 1917 г. Рассматривается, как в конце 1880-х – 1890-е гг. в российском общественно-политическом пространстве появились деятели, которые начали заниматься активным освещением финляндского вопроса в национальном ключе, с позиций «русских государственных интересов». В их действиях и взглядах прослеживается явная преемственность по отношению к М.Н. Каткову. Изначально их действия были продиктованы не соображениями реальной политики, а идеологическими мотивами. Аналогичным образом они оценивали и проявления враждебного им финляндского национального проекта.

В первом параграфе – «К.Ф. Ордин, его единомышленники и их роль в актуализации финляндского вопроса в 1880–1890-е гг.» – приводятся сведения о деятельности кружка персон, которые в силу ряда личных причин оказались связанными с ВКФ и выработали свою особенную позицию касательно специфики его пребывания в составе империи. Подробно разбирается деятельность К.Ф. Ордина по привлечению внимания власти и общества к проблеме недопустимости особых финляндских прав. Прослеживается активность остальных участников данного кружка вокруг финляндских проблем в 1890-е гг. Благодаря приводимым сведениям становится очевидным, что поначалу в правящих кругах далеко не все поддерживали инициативу антифинляндских публицистов. Однако на определенном этапе К.Ф. Ордин сумел обратить на финляндские проблемы внимание самого Александра III и тем самым спровоцировать поворот монархии к курсу на унификацию и русификацию ВКФ.

Во втором параграфе – «М.М. Бородкин и другие эксперты против особых прав Финляндии в конце 1890-х – начале 1900-х гг.» – исследуется деятельность названной фигуры и ее влияние на выработку и претворение в жизнь политики русификации Финляндии в эпоху генерал-губернаторства Н.И. Бобрикова. Подчеркивается, что в начале 1890-х гг. в правящих кругах по-прежнему сохранялась значительная оппозиция этому курсу, а в обществе в целом финляндские проблемы еще не воспринимались как насущные и острые. Поэтому представители русского национального движения продолжали свои попытки объяснить власти и обществу, как «на самом деле» обстоят дела на финляндской окраине. Не обладая пока реальным влиянием на принятие политических решений, они максимально использовали такой доступный им канал, как массовая печать. Именно этим объясняется беспрецедентная активность консервативных изданий в освещении финляндских проблем уже с конца 1880-х гг., а также появление в информационном пространстве империи массы отдельных сочинений (брошюр и более основательных работ) на эту тему. Благодаря активности антифинляндских экспертов вектор развития русско-финских отношений стали задавать не равнодушные к финляндской теме либерально или просто нейтрально настроенные чиновники и общественные силы, а именно консерваторы, сторонники «русского национального взгляда» на положение ВКФ в составе Российской империи. Они сумели объединить теорию с практикой в самом конце 1890-х гг., когда финляндским генерал-губернатором был назначен Н.И. Бобриков.

В третьем параграфе – «Формы и методы взаимодействия русских националистов с обществом и властью по вопросу о статусе княжества в 1906–1917 гг.» – характеризуется влияние условной группы Бородкина на правительство и общественное мнение по вопросу о статусе ВКФ в эпоху премьерства П.А. Столыпина и последние годы существования Российской империи. Отмечается, что в рассматриваемый период усилилось взаимодействие и взаимовлияние двух акторов в процессе развития

финляндского вопроса – представителей русского национального движения (как его основного локомотива) и государственной власти, которая восприняла пропагандируемый в 1890-е гг. в консервативной печати взгляд на финляндские проблемы. К ярким примерам их сотрудничества относятся создание заказных трудов по истории края, использование государственных ресурсов по распространению нужных изданий, активная работа с заграничной печатью. В 1900–1910-е гг. публицисты группы Бородкина сумели не только получить доступ к сферам, в которых принимались реальные политические решения, касавшиеся Финляндии, но и принесли с собой понимание важности информационной поддержки этих решений. Сформировалось несколько направлений идеологической работы. Интуитивные усилия группы Бородкина по распространению своих взглядов вписывались в зарождавшийся процесс формирования государственной пропаганды в империи. Власть продолжала оставаться нетождественной представителям русского национального движения. Их цели все больше и больше пересекались, но степень пересечения не была абсолютной. И те и другие продолжали решать свои задачи. Вместе с тем опыт экспертов по выстраиванию системы идеологического влияния с определенного момента начал отвечать и потребностям властей.

В третьей главе – «Структура и особенности антифинляндского дискурса» – анализируются содержание данного дискурса и его формальные характеристики. Разбирается, в каких жанрах он был реализован, какие риторические стратегии использовались для его применения и какие ментальные механизмы задействовали рассматриваемые эксперты. Обосновывается, что совокупность содержательных установок антифинляндского дискурса позволяет атрибутировать их авторов как представителей русского национального движения. Процесс национальной самоидентификации, попытка в первую очередь решать русский вопрос выходит на передний план в данных текстах. Объяснимыми становятся приоритет идеальных соображений в трактовке и разрешении русско-

финляндского конфликта по сравнению с аргументами реальной политики, принципиальная публичность в его обсуждении, достаточно вольное обращение с зафиксированными законодательно особыми правами края, нежелание монархии пойти на уступки в сфере разделения властей в любой форме, отказ от гибкой политики в отношении инородцев и осуществление курса русификации на отдельных окраинах.

В первом параграфе – «Концептуальные основания и ключевые общественно-политические понятия» – выявляются и анализируются основные содержательные единицы, вокруг которых вращалось обсуждение финляндских проблем в творчестве К.Ф. Ордина, М.М. Бородкина и их единомышленников, объясняются их риторические и аргументационные приемы. Отмечается, что такие приемы диктовались базовыми особенностями мышления экспертов, которые оказывались в остром конфликте не только с нуждами практической имперской политики, но и шире – со стратегиями модернизации, перехода от аграрного общества к индустриальному. Смена политического курса должна была предполагать отказ от базовых ценностей и принципов мышления тех, кто его разрабатывал, что практически было маловероятно.

Во втором параграфе – «Жанровая специфика антифинляндских публикаций» – оценивается реализация взглядов рассматриваемой группы интеллектуалов в различных жанрах: исторических сочинениях, юридических трудах, публицистических работах. Разбираются специфика присутствия темы ВКФ в каждом из таких жанров, закономерности развития этой темы в разных формах в общественно-политическом пространстве. Подчеркивается, что основательное присутствие в антифинляндском дискурсе таких жанров, как исторические и юридические труды, с одной стороны, свидетельствует о том поиске, который вели эксперты в выработке оптимальной, с их точки зрения, политики в финляндском вопросе (исторические и юридические аргументы были важны для них самих, составляли суть их работы), с другой стороны, четко указывает на адресат данных публикаций: монархия и властные элиты,

которые в состоянии были воспринять информацию, поданную в подобной стилистике. Не менее важными были и публицистические работы, адресованные максимально широко понимаемой общественности.

В третьем параграфе – «Формальные характеристики текстов экспертов: между риторикой и пропагандой» – ставится вопрос о формальных сторонах присутствия темы ВКФ в публикациях рассматриваемой группы лиц. Анализируются лексика, стилистика, речевые стратегии и выразительные средства, приемы воздействия на аудиторию. Доказывается, что формальные особенности текстов антифинляндского дискурса демонстрируют корреляцию с привычками мышления экспертов. Вместе с тем такие привычки мышления публицистов сами влияли на подбор тех или иных риторических стратегий. Например, алармизм мышления логично сочетался с последовательным формированием образа врага – финна, использованием риторических средств, направленных на устрашение читателя и общее обостренное восприятие ситуации.

В заключении подводятся итоги исследования. Автор приходит к выводу, что появление финляндского вопроса происходило в контексте становления русской национальной идеологии. Доказывается, что этот вопрос был сформулирован М.Н. Катковым в общественно-политическом пространстве 1860-х гг., а не в сфере реальной политики – и долгое время в нем оставался, не получая дальнейшего развития. Ситуация изменилась в конце 1880-х гг., когда в Гельсингфорсе и Петербурге стала действовать группа интеллектуалов – идейных наследников Каткова, которые стремились положить конец особому статусу Финляндии, воспитать «национальный образ мышления» в обществе и власти. Анализ их взглядов и особенностей биографии позволяет причислить их к молодому русскому национальному движению. Они действовали в основном по собственной инициативе. Их действия были продиктованы не соображениями реальной политики, а идеологическими предпочтениями. Обосновывается вывод об их приоритетном влиянии на политику русификации ВКФ в конце XIX – начале XX в. Показывается, что особенно

яркое влияние этих лиц проявилось в период генерал-губернаторства Н.И. Бобрíkова и в бытность премьер-министром П.А. Столыпина. В начале XX в. эти эксперты не только успешно строили карьеру в бюрократических структурах, но и поставили свою деятельность по просвещению власти и общества в национальном ключе в определенные институциональные рамки, приняв активное участие в деятельности Русского собрания, а несколько позже – Русского окраинного общества, организовав собственные печатные органы. Утверждается, что рассматриваемым экспертам удалось сформировать общую интеллектуальную среду, идейное поле, в рамках которого не только рождался план действий в области внутренней политики, но оказывалось систематическое влияние на общественную мысль. Обращается внимание на то, что благодаря реконструкции системы взглядов данных экспертов удалось определить ее компоненты – определенные специфические принципы мышления (отчасти укорененные в русской общественно-политической мысли), в том числе идеократичность (приоритет идеальных соображений над рациональными), аксиологичность (склонность рассматривать явления окружающей действительности через призму морально-этических категорий и ценностей), алармизм и ряд других. Подчеркивается исключительное значение для характеристики мировоззрения экспертов констатации мощного антимодернизационного посыла, заложенного в системе их представлений. Отмечается, что сама по себе тема воздействия группы националистов на правительство и общественное мнение, безусловно, нуждается в дальнейших исследованиях. В этом смысле представляются перспективными как изучение интеллектуальной традиции, в которой шло становление русского национального движения, так и исследование его влияния на последующие этапы развития отечественной общественной мысли. Такое изучение должно фокусироваться на содержательных единицах дискурса и на его формальных составляющих (риторике, аргументационных ходах, стиле, жанрах).

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих

публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки:

1. *Петухова А.П.* «Финляндский вопрос» в системе внутривосточных представлений российской правящей элиты в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия. 8. История. 2008. № 4. С. 56–65 (0,7 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ – 0,270.

2. *Петухова А.П.* «Скажи мне, кто твой враг...»: «антифинляндский дискурс» в пространстве общественно-политической коммуникации Российской империи конца XIX – начала XX вв. // *Ab Imperio*. 2010. № 3. С. 195–226 (1,3 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ – нет.

3. *Петухова А.П.* «Историк беспристрастный»? Кесарь Ордин и «финляндский вопрос» в Российской империи в конце XIX в. // *Родина*. 2014. № 6. С. 49–52 (0,9 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ – 0,098.

4. *Петухова А.П.* Михаил Катков и рождение «финляндского вопроса» в Российской империи (1860–1880-е гг.) // *Клио*. 2019. № 11 (155). С. 136–142 (0,9 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ – 0,202.

5. *Петухова А.П.* «Отсель грозить мы будем...»: военный фактор во взаимоотношениях России и Великого княжества Финляндского в конце XIX – начале XX вв. // *Человеческий капитал*. 2020. № 11 (143). С. 96–108 (0,9 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ – 0,469.

Другие публикации по теме диссертации:

6. *Петухова А.П.* Возможности дискурс-анализа для изучения политической культуры властных элит Российской империи конца XIX – начала XX вв. // *Дискурс-анализ: методология, теория, практика*. Екатеринбург, 2006. С. 82–84 (0,17 п.л.).

7. *Петухова А.П.* «Борьба за души подданных»: информационная политика самодержавия в области освещения финляндского вопроса // *Новый взгляд*.

Международный сборник работ молодых историков. Тамбов, 2007. С. 96–100 (0,2 п.л.).

8. *Петухова А.П.* «Финляндский casus»: принципы легитимизма в национальной политике российской монархии конца XIX – начала XX вв. // Исторические записки. Вып. 11. Пенза, 2007. С. 45–51 (0,36 п.л.).

9. *Петухова А.П.* [Рецензия]: Polish Encounters, Russian Identity // Ed. by David L. Ransel, Bozena Shallcross. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2005. 232 p., ill. // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 472–478 (0,33 п.л.).

10. *Петухова А.П.* «Слово сильнее меча»: Михаил Бородкин и «финляндский вопрос» // Человек второго плана в истории. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 2008. С. 114–134 (0,9 п.л.).

11. *Петухова А.П., Петухов Л.А.* В поисках terra promessa: роль цивилизационного дискурса в формировании внешнеполитических представлений русских консервативных публицистов начала XX века // Общественно-политическая мысль России: традиции и новации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2008. С. 108–114 (0,34 п.л. / 0,68 п.л.).

12. *Петухова А.П.* «Слово сильнее меча»: Михаил Бородкин и «финляндский вопрос» // В тени великих: образы и судьбы: сб. науч. статей. СПб., 2010. С. 148–164 (0,9 п.л.).

13. *Петухова А.П.* Русские консерваторы и попытки организации государственной пропаганды в Российской империи конца XIX – начала XX вв. // Сборник материалов Седьмой конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО–2017». М., 2017. С. 359–362 (0,2 п.л.).

14. *Петухова А.П.* «Борьба за аудиторию»: метафоры в текстах русских консерваторов конца XIX – начала XX вв. // Одиссей. Социальные категории и их интерпретация на языке метафор. М., 2021. С. 80–98 (1,27 п.л.).

15. *Петухова А.П., Чернов К.С., Чернов С.Л.* Российская идентичность: империя vs национализм // Русия между истока и запада: политика, идеология, дипломатия. София, 2022. С. 97–121 (0,4 п.л. / 1,2 п.л.).